

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

*По сказке С. Маршак
Художник Н. Орлова*

Знаешь ли ты,
сколько месяцев
в году? Двена-
дцать. Январь, фев-
раль, март, ап-
рель, май, июнь,
июль, август, сен-
тябрь, октябрь,
ноябрь, декабрь.
Только кончится
один месяц,
сразу же начи-
нается другой. Ме-
сяцы идут один
за другим и ни-
когда не встре-
чаются. Но люди
рассказывают,
будто в горной
стране Богемии
была девочка, ко-
торая видела все
двенадцать меся-
цев сразу...

А было так: в одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем ей не могла угодить.

Дочка по целым дням на перине валялась да пряники ела, 4

а падчерице с утра до ночи и присесть некогда было. Знала она и зимний холод, и летний зной, и весенний ветер, и осенний дождь. Потому-то, может, и довелось ей увидеть все двенадцать месяцев разом.

Была зима. Шёл январь месяц. Снегу намело столько, что от дверей его приходилось отгрести лопатами, а в лесу деревья стояли по пояс в сугробах.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха сказала падчерице:
„Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра
сестрица твоя именинница“.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники!

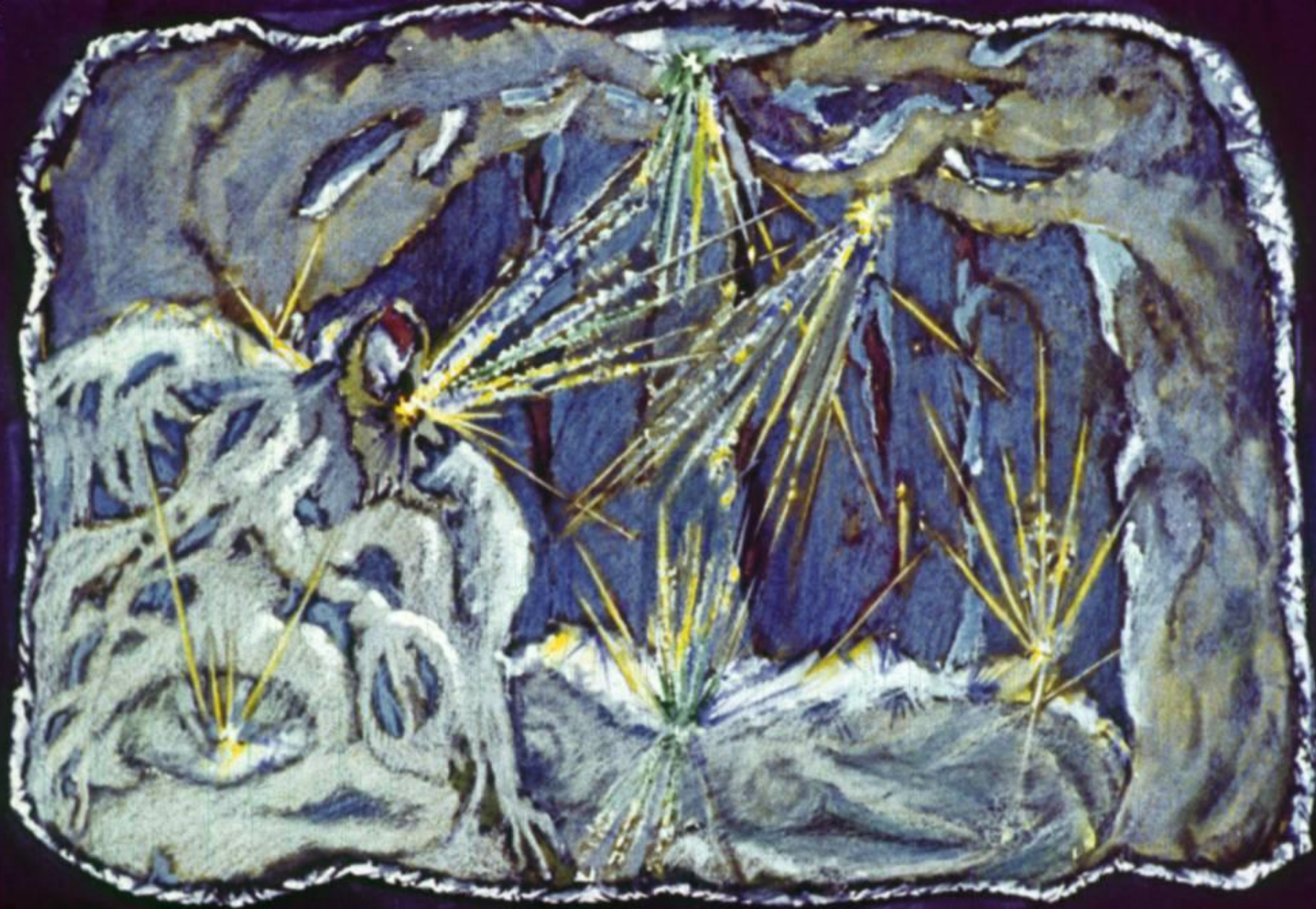
А сестрица говорит ей: „Если и пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай, да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка“.

Заплакала девочка и вышла из дверей. Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугробов вытаскивает.

Вот и лес. Села девочка на поваленное дерево и сидит.
Всё равно, думает, где замерзнуть.

И вдруг далеко меж деревьев свернул огонёк – будто звезда
среди ветвей запуталась.

Пошла девочка на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бу-
 релом перелезает. „Только бы,—думает,—огонёк не погас!“
 А он не гаснет, а всё ярче горит.

Вышла девочка на полянку. Да так и замерла. Светло на полянке, словно от солнца. Посреди полянки большой костёр горит. А вокруг костра сидят люди.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трое старых, трое
пожилых, трое молодых, а последние трое – совсем ещё
мальчишки.

Вдруг обернулся один старик – самый высокий, бородатый, бровастый и поглядел в ту сторону, где стояла девочка. – „Ты откуда пришла, чего здесь нужно?“

— „Прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела мне с пустой корзинкой домой возвращаться“. — Засмеялся старик: „Это в январе-то подснежники?“

— „Что же ты делать будешь, если не найдёшь подснежников? Ведь раньше марта месяца они и не выглянут“. — „В лесу останусь. Буду марта месяца ждать. Уж лучше мне в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться“.

И вдруг один из двенадцати, самый молодой, весёлый, в шубке на одном плече, подошёл к старику. — „Братец Январь, уступи мне на час своё место“. — „Я бы уступил, да не бывать Марту прежде Февраля“.

— Ладно уж, — проворчал другой старик, весь лохматый, с рас-
трёпанной бородой. — Уступи, я спорить не стану! Мы все
хорошо её знаем, то у проруби её встретишь с вёдрами, то
в лесу с вязанкой дров. Всем месяцам она своя. Надо ей
помочь.

– Ну, будь по-вашему, – сказал Январь. Он стукнул о землю своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у берёзы
Не грызите кору!
Полно вам вороньё
Замораживать,
Человечьё жильё
Выхолаживать!

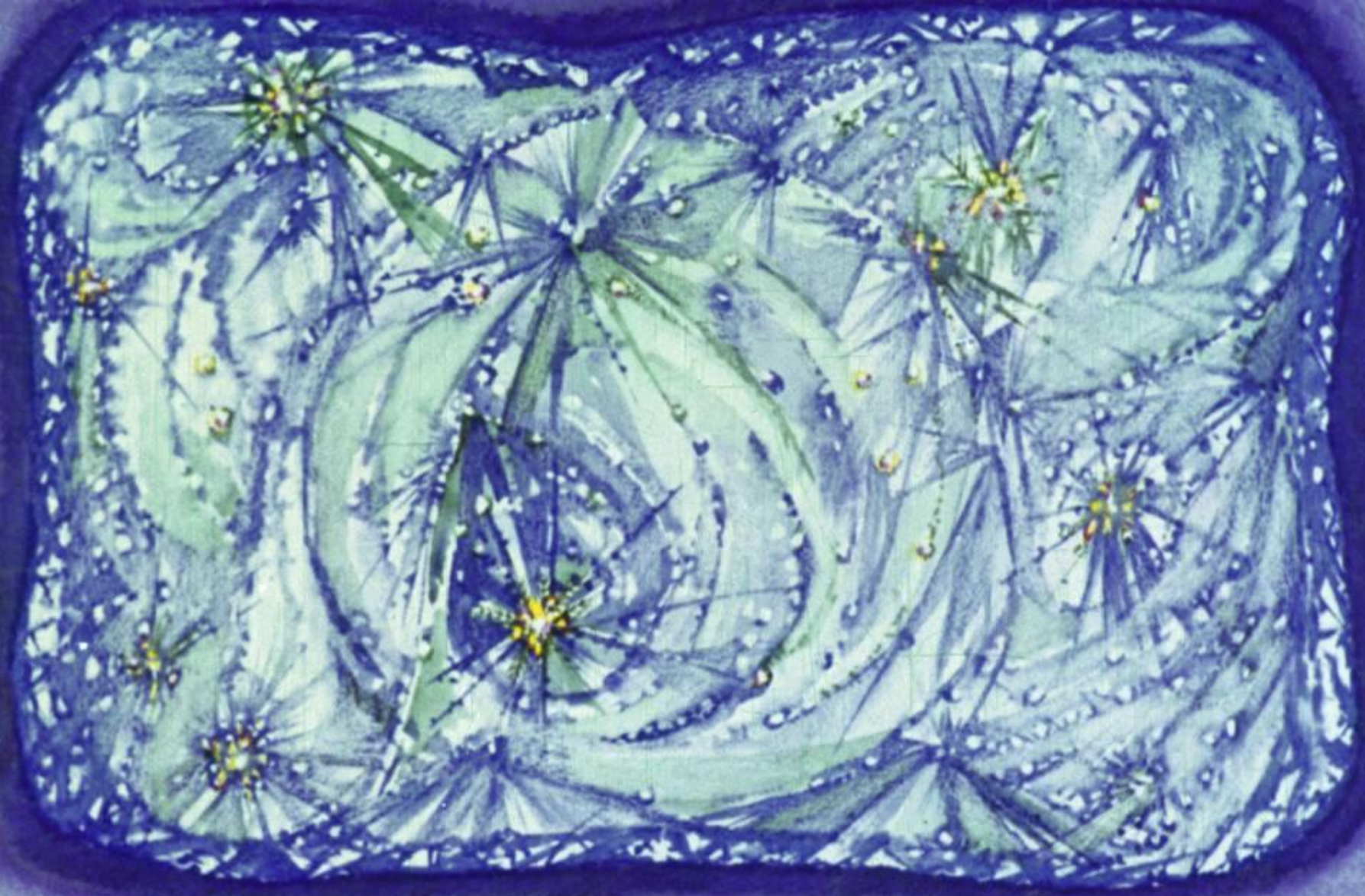

Замолчал старик, и тихо стало. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черёд, братец, — сказал Январь и отдал посох меньшому брату, лохматому Февралю.

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный мокрый ветер, закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал: „Теперь твой черёд, братец Март“.

Взял младший
брат посох, уда-
рил о землю и
запел:

Разбегайтесь, ручьи,
Растекайтесь, лужи,
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник,
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник!

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, покрытая почками.

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветках набухли, и уже выглядывают из них зелёные листочки.

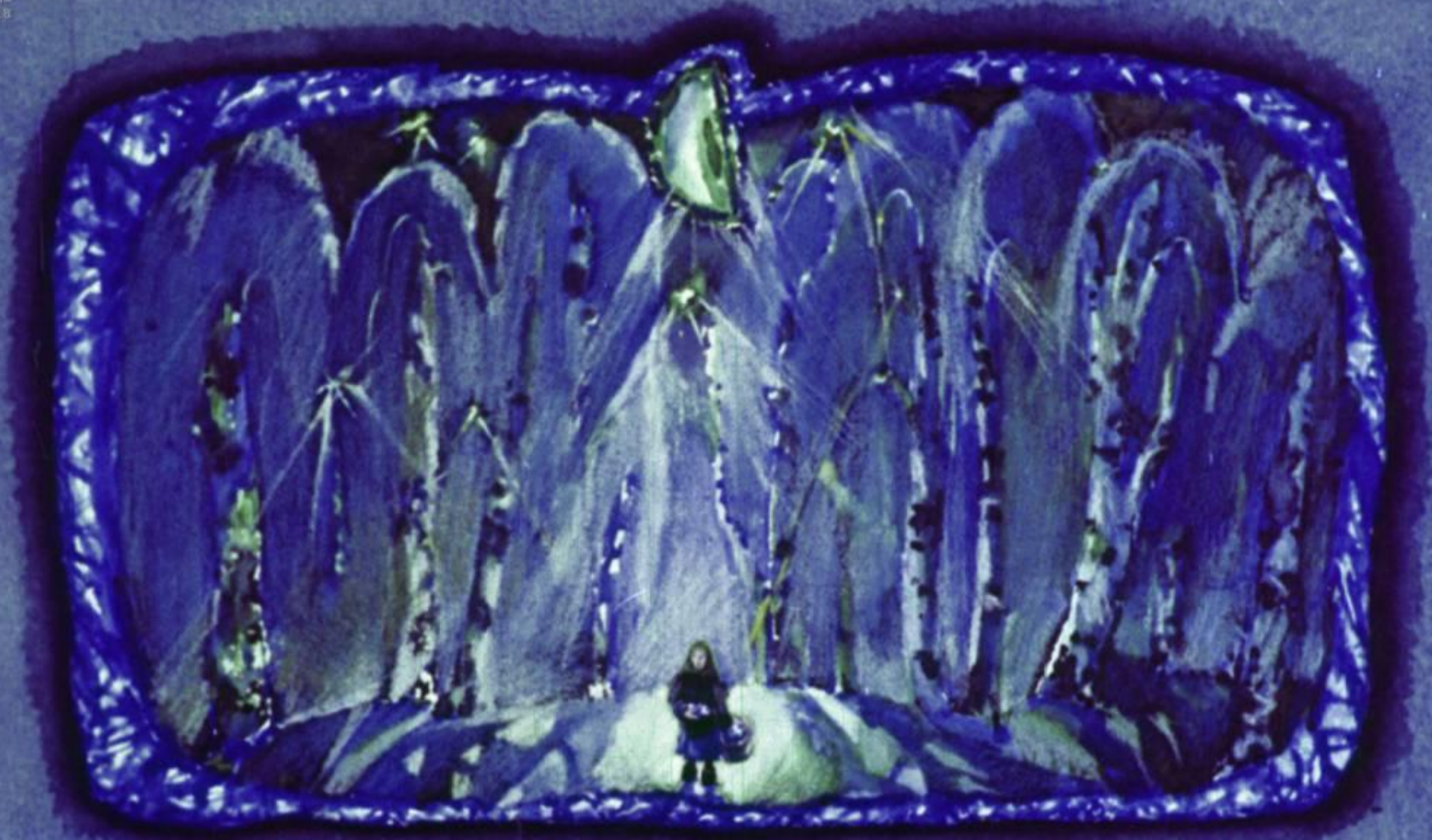
Глядит девочка — наглядеться не может. — „Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись, нам с тобой всего один часок братья мои подарили“.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники собирать.
А их видимо-невидимо.

Набрала она полную корзинку

и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели. А там уж ни костра, ни братьев нет... Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня светит, а от полного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой. Только добежала она до дому, как опять загудела зимняя вьюга.

— „Ну что, — спросили её мачеха и сестра, — подснежники где?“ — Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку. Мачеха и сестра так и ахнули.

Рассказала им девочка всё как было. Слушают они обе и удивляются. Трудно поверить – да ведь вот они, подснежники. – „А больше тебе ничего месяцы не дали?“ – „Да я больше ничего и не просила“.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретилась, а ничего, кроме подснежников, не выпросила!

Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного – яблон да груш, у другого – земляники, у третьего – грибов, у четвёртого – свежих огурчиков.

– Умница, доченька! – говорит мачеха. – Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку, уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

– „Где им!“ – отвечает дочка, а сама – руни в рукава, платок на голову. Мать ей вслед кричит: „Рукавички надень, шубну застегни!“ – А дочка уж за дверью. Убежала в лес.

Идёт по сестриним следам, торопится. „Скорее бы, — думает, — до полянки добраться!“ Вдруг вдали мелькнул огонёк. Лес всё гуще, всё темней. Сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

Пошла она на огонёк и вышла на полянку. Посреди полянки большой костёр горит, а вокруг костра – двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала. Замолчали месяцы. Тихо стало в лесу.

Стуннул Январь-месяц посохом о землю и спрашивает: „Ты кто такая? Откуда взялась?“ – „Из дому, – отвечает мачехина дочка. – Вы нынче моей сестре целую корзину подснежников дали. Вот я и пришла по её следам“.

— „Сестру твою мы знаем, — говорит Январь-месяц. — А тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?“ — „За подарками. Пусть Июнь-месяц мне земляники даст, а Июль-месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. А Сентябрь-месяц — орехов спелых“.

– Погоди, – говорит Январь-месяц. – Не бывать лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до июня месяца. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

–Ишь какой сердитый!– говорит мачехина дочка. – Да я не к тебе пришла – от тебя, кроме снега да инея, ничего не дождёшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь-месяц. — „Ищи лета зимой!“ — говорит.
Махнул он широним рукавом,

и поднялась в лесу метель.

А мачеха ждала-ждала свою дочку – нет её. Зануталась она потеплее и пошла в лес. Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замёрзла. Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома сад – да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблони и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо. – “У этой хозяйки все 12 месяцев разом гостят”, – говорили люди. Кто знает – может, так оно и было.

ПАСХА

Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор А. Морозов

Студия «Диафильм», 1972 г.
Москва, 101000, Старосадский пер., д № 7

Цветной 0-30
Д-010-73